
Национализм под покровом стабильности: изучение латентных факторов дезинтеграции СССР (уроки брежневской эпохи)

Э.А. ПАИН*

*Эмиль Абрамович Паин – доктор политических наук, профессор-исследователь, Департамент политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, epain@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8796-187X>

Цитирование: Паин Э.А. (2023) Национализм под покровом стабильности: изучение латентных факторов дезинтеграции СССР (уроки брежневской эпохи) // Мир России. Т. 32. № 1. С. 87–108. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-1-87-108

Аннотация

В данной статье анализируется влияние этнонациональной политики на рост национализма в период Советского Союза, получивший название «эпоха застоя» у одних авторов и «эпоха стабильности» у других. Это время политического лидерства Л.И. Брежнева (1964–1982 гг.) сравнивается с предшествующим временем постсталинских перемен – «эпохой оттепели» в период правления Н.С. Хрущёва (1953–1964 гг.). Статья задается вопросом о том, в какой мере управленческие решения, изначально направленные на стабилизацию и консервацию режима, могли породить противоположные тенденции и служить постепенному накоплению факторов политической дестабилизации. В статье выдвигается гипотеза о том, что период брежневской стабилизации являлся временем накопления двух факторов, сыгравших важную роль в последующем распаде СССР – низового «диссидентского национализма» и верхушечного «бюрократического»; демонстрируется неодинаковое соотношение этих разновидностей национализма в разных республиках Советского Союза. Сравнивая государственно-правовые решения, принятые в национально-языковой сфере во время правления Л.И. Брежнева, с аналогичными решениями в современной России, автор указывает на возможное воспроизводство определенных рисков в сфере межэтнических отношений в обозримой перспективе.

Ключевые слова: эпоха стабильности, национализм, клановость, коррупция, дезинтеграция СССР

Введение: постановка проблемы и используемые научные понятия

Роли национализма в дезинтеграции Советского Союза посвящены десятки, а возможно, и сотни публикаций, в том числе фундаментальные работы таких известных авторов, как [Cohen 2011; Dunlop 1993; Lieven 2000; Suny 1993; Дробижева 2013; Пихоя 2000; Тишков 2001; Чешко 2000]. Даже наиболее известных работ так много, что одно лишь их перечисление заняло бы немалую часть объема статьи. Поэтому я перейду к обозначению той научной лакуны, попытка закрыть или уменьшить которую во многом мотивировала меня написать эту статью. Обозначенная в ней научная проблема состоит в дефиците или даже полном отсутствии (по ряду аспектов) научных знаний по вопросам, имеющим непосредственное отношение к процессам этнополитической дезинтеграции СССР:

Во-первых, все перечисленные работы были сосредоточены на изучении открытых признаков национализма, ярко проявившихся в периоды перестройки (1986–1991 гг.) и последующего «парада суверенитетов» 1990-х гг., тогда как предпосылки дезинтеграции в форме латентного национализма, сложившегося в период, который получил в советские годы название «застой» (1964–1982 гг.), выпали из поля зрения исследователей, поскольку эта эпоха обычно рассматривается как время стабильности, противоположное этнополитической дезинтеграции страны. В статье излагается иная точка зрения на вклад эпохи политической стабильности в дезинтеграционные процессы.

Во-вторых, большая часть исследований националистических факторов дезинтеграции посвящена «диссидентскому национализму», оппозиционному советской политической системе, однако был еще и «номенклатурный», «бюрократический национализм» в советских республиках. Он вызревал не как оппозиция советской политической системы, а как ее продолжение. На наш взгляд, в ряде республик СССР «номенклатурный национализм» был основной, реально проявившейся, формой национализма, на которую наибольшее влияние оказали условия брежневской «стабильности».

В-третьих, остается дискуссионным вопрос о причинах роста советского национализма. Они чаще всего связываются с жестким имперским характером национальной политики, в том числе и репрессивной [Митрохин 2020]. Я же считаю эту гипотезу ограниченно верной и, безусловно, не определяющей основные причины развития национализма в Советском Союзе в период «застоя». Антиимперская гипотеза не учитывает то обстоятельство, что национализм зачастую проявлялся и развивался вовсе не в ответ на имперское давление, а, напротив, в районах с наиболее благоприятными условиями для политического развития. Например, украинский национализм впервые сформировался в западных районах Украины, находившихся в составе Австро-Венгрии, которая по ряду причин создала более благоприятные условия для развития украинской националистической идеологии и появления первой националистической партии, чем Российская империя. Можно привести и пример обратного. В советское время от авторитарного самовластия больше других пострадал Казахстан (здесь был наивысший уровень голода в 1930-е гг.; границы именно этой республики чаще, чем любой другой, перекрывались; сюда переселяли и насильно депортировали представителей многих народов, а казахи стали этническим меньшинством населения в своем государственном

образовании). Тем не менее всё это не привело к заметным проявлениям национализма в этой республике, во всяком случае, в качестве движения за национальную независимость республики. Учитывая всё это, я высказываю в статье иное объяснение причин подъема национализма именно в брежневскую эпоху.

Здесь мы подошли к моей трактовке понятия «национализм». В этом вопросе у меня нет притязаний на какие-либо теоретические новации, поскольку я опираюсь на концепцию Эрнста Геллнера, считающуюся классической в этнологии. По Э. Геллнеру, «национализм – это политическая идея и движение, предполагающие единство политического и национального» [Gellner 1983, p. 1]. Сутью этой идеологии и движения является стремление, продвигаемое элитарными слоями общества, к созданию и/или сохранению государства-нации. Э. Геллнер, в отличие от своего ученика Энтони Смита, не использовал понятие «этнос» (или «этносы») и не закреплял терминологически (как современные обществоведы К. Калхун, Р. Суни, Д. Хоровиц и многие другие) свои рассуждения о различиях между нацией как социально-политическим явлением и этничностью как явлением социокультурным, хотя постоянно указывал на национализм как на политический фактор, лишь использующий этническую культуру. В своей поздней работе (опубликованной после смерти ученого) Э. Геллнер утверждал, что национализм – явление не извечное, появившееся в новое время, и ввел в оборот понятие «пришествие национализма» (*coming of nationalism*): так, был обозначен процесс, растянувшийся на 200 лет и характеризующий соединение «этнического начала», присутствовавшего в аграрном обществе, с новой политической идеей, появившейся после Великой французской революции. Речь идет об идее национального (народного) суверенитета как новой формы легитимации государственного правления [Gellner 1999]. При этом Э. Геллнер подчеркивает, что выход на политическую арену национализма обозначил качественно новое состояние общества по сравнению с феноменом этнических объединений в рамках традиционных культур. Но мы подчеркнем еще одну особенность национализма – его отличие от этнических предрассудков, которые в России иногда называют «бытовым национализмом». Такие предрассудки, фобии, оскорбительные клички народов, известные с библейских времен, могут использоваться националистами, но сами по себе *они не являются проявлениями национализма и необязательно в него трансформируются*. Например, русское название народа *deutsche* («немцы») происходит от слова «немые» и первоначально являлось уничижительным обозначением этнической группы, однако уже в XIX в. этот термин перестал восприниматься как оскорбление. В 1940-х гг., в ходе и после Великой Отечественной войны, слово «немец» вновь наполнилось негативным содержанием, но на сравнительно короткое время. В то же время слово «москаль» первоначально не было оскорбительным и вовсе не имело отношения к какой-либо национальности: так в XIX в. на Украине, в Белоруссии и в российской части Польши называли расквартированных здесь русских солдат, а также местных жителей, отслуживших 25 лет в русской армии. В первом издании словаря В.И. Даля (1863–1866) это слово приводится (в качестве одного из толкований) в своем исходном значении – солдат. Лишь в XX в. оно стало массово приобретать в польском, украинском и белорусском языках негативное значение для обозначения русских. Экспрессивные обозначения других народов исторически меняют свое значение, но, даже превратившись в насмешливые или оскорбительные слова (*hate speech*), они не приводят непосредственно к подъему национализма и, безусловно,

не могут быть определены в качестве факторов сепаратизма. Например, насмешливое изображение чукчи в известной серии анекдотов не приводило к росту национализма, по крайней мере, такие последствия никем не зафиксированы. Так или иначе в данной работе понятие «национализм» используется только как социально-политическая категория и в качестве очевидной угрозы политической дезинтеграции страны. В таком виде она адекватно описывает не только «оппозиционный» национализм, но и советский «бюрократический», сложившийся в республиках СССР. Последний возник из стремлений ряда республиканских лидеров опереться на интересы титульных национальностей в качестве политического ресурса для защиты и автономизации от союзного центра и для формирования системы клиентелизма в местной политике. Мы предполагаем, что во времена брежневской «стабильности» усилились оба проявления национализма: расширились география и формы проявления «оппозиционного национализма», а также более чем когда-либо ранее вырос «номенклатурный национализм».

«Золотой век» советской бюрократии и клановой коррупции

Как только не называли историки время брежневского руководства: эпохой застоя или стабильности, периодом развитого социализма или геронтократии. Известны и другие характеристики этого времени, в их числе и знаменитое определение А.М. Некрича – «золотой век советской номенклатуры», как «касты» советских руководителей [Некрич 1997]. Другой исследователь, В.П. Мохов, подтвердил и уточнил следующий вывод: никогда ранее этот социальный слой не имел в Советском Союзе столь благоприятных условий для самосохранения [Мохов 1998]. После сталинских чисток и хрущевской ревизии кадров в эпоху развитого социализма для номенклатуры наступило время ее наивысшего расцвета и безопасности, в особенности для региональной партийной элиты – руководителей республиканских, краевых и областных компартий. Их роль в номенклатуре ЦК КПСС, по свидетельству авторитетных экспертов, значительно возросла именно в это время [Мохов 1998, с. 38–41]. Одной из важных предпосылок этого процесса стала операция по отстранению от власти лидера партии Н.С. Хрущёва на Октябрьском пленуме ЦК КПСС 1964 г. Для того чтобы гарантированно привлечь на свою сторону региональных членов ЦК, Л.И. Брежнев и другие организаторы пленума внесли на рассмотрение предложение об отмене в Уставе КПСС требования обязательной сменяемости и ротации кадров выборных партийных органов. Как свидетельствуют новейшие исследования, именно это решение пленума было принято с наибольшим энтузиазмом его региональными участниками, что, помимо других обстоятельств, обеспечило Л.И. Брежневу их всеобщую поддержку [Артизов, Сигачев 2020]. Это решение впоследствии обусловило беспрецедентную несменяемость бюрократии на руководящих постах в партийном аппарате, министерствах и ведомствах.

При Н.С. Хрущёве первых секретарей республиканских ЦК уже не расстреливали как при И.В. Сталине, но меняли часто. Только в одной Казахской ССР с 1953 по 1964 г. сменились восемь первых секретарей ЦК КП республики, а с 1964 г. Д.А. Кунаев (соратник Л.И. Брежнева по его работе в Казахстане)

возглавил республику на 22 года [List of Leaders of Kazakhstan 2021]. В эту же эпоху Ш.Р. Рашидов занял партийный «престол» в Узбекистане на 24 года – так же, как и его коллега Т.У. Усубалиев в Киргизии. Немногим меньше удержались на вершине партийной иерархии Д.Р. Расулов в Таджикистане (21 год) и И.И. Бодюл в Молдавии (19 лет).

Важной характеристикой этой эпохи представляется процесс образования и «окаменения» во властных структурах, центральных и региональных, замкнутых корпоративных сообществ – клик или кланов, сплачивающихся вокруг партийного руководителя. А.И. Фурсов полагает, что брежневский период стал временем «олигархизации коммунистической власти» – сращения партийно-хозяйственных кланов с преступными группировками в теневой экономике во многих регионах, слабо контролируемых центром [Фурсов 2009]. Многолетние руководители республик имели возможность годами подбирать себе и «под себя» удобных соратников, формируя устойчивые сообщества, похожие на мафиозные семьи. Л.И. Брежнев показывал в этом пример, окружив себя выходцами из тех регионов, где он прежде работал: так, в Политбюро ЦК КПСС возникли группировки, получившие в горбачевское время и позднее названия «днепровская», «молдавская» и «казахстанская» мафия [Некрич 1997].

В брежневскую эпоху термин «мафия» не использовался применительно к партийным кадрам, однако опасность появления в республиках местных клановых группировок и их криминализации начала осознаваться уже тогда, в том числе и в Кремле. Косвенным свидетельством этому стало назначение офицеров сил правопорядка во главе партийных организаций республик Кавказа. В 1969 г. в Азербайджане на пост первого секретаря ЦК КПА был назначен бывший Председатель республиканского КГБ генерал Г.А. Алиев, а в 1972 г. в Грузии на аналогичный пост Кремлём был выдвинут бывший министр внутренних дел генерал внутренних войск Э.А. Шеварднадзе. Помимо этого, готовность большинства членов политбюро избрать в 1982 г. бывшего главу КГБ СССР Ю.В. Андропова в качестве преемника Л.И. Брежнева отражала, на мой взгляд, стремление значительной части советского руководства остановить падение государственной дисциплины и прекратить рост коррупции в стране. За год до смерти Л.И. Брежнева, 21 мая 1981 г., в политбюро поступила записка влиятельного Комитета партийного контроля ЦК КПСС «Об усилении борьбы со взяточничеством в 1975–1980 гг.». В ней указывалось, что в 1980 г. было выявлено более 6000 случаев взяточничества на высоком партийно-правительственном уровне и что масштабы коррупции за пять лет возросли на 50%. Здесь же приводились факты осуждения заместителей министров Правительства СССР и министров в союзных республиках, а также сотрудников партийных аппаратов вплоть до уровня секретарей райкомов и горкомов КПСС [Алауханов 2008]. Однако более высокий ранг хозяйственной и партийной номенклатуры был тогда недостижим даже для партийного контроля ЦК партии. Так, М.В. Дульнев приводит свидетельства тому, что в середине 1970-х гг. по инициативе Ю.В. Андропова КГБ СССР начал расследование ряда крупных коррупционных дел например, рыбо-икорного дела в магазинах фирмы «Океан», а в 1981 г. – «хлопкового дела» в Узбекистане; но оба расследования были либо прекращены, либо заморожены, как только выявилась связь с персонами, опекаемыми лично Генеральным секретарем – министром рыбной промышленности А.А. Ишковым, первым секретарем Краснодарского крайкома С.Ф. Медуновым, лидером

Узбекистана Ш.Р. Рашидовым [Дульнев 2008]. По той же причине останавливались расследования, затрагивавшие протееже Генерального секретаря – И.И. Бодюла и Д.А. Кунаева, а также членов семьи вождя. После смерти Л.И. Брежнева и избрания Ю.В. Андропова на пост Генерального секретаря ЦК КПСС (ноябрь 1982 г.) расследования злоупотреблений властью в республиках активизировались: были инициированы «Краснодарское дело» (также известное как «Медуновское дело»), «Рыбное дело», затрагивающее Министерство рыбного хозяйства и власти ряда регионов. Тогда же, как отмечают казахстанские правоведы [Алауханов 2008], в Казахстане начались расследования в рамках операции «Паутина». Это расследование, выявившее связи руководства республики с незаконной деятельностью в металлургической промышленности Карагандинской области, было остановлено в 1984 г. сразу же после смерти Ю.В. Андропова, но при М.С. Горбачёве (1989–1990-е гг.) вновь возобновлено: в итоге 25 руководителей высокого уровня были привлечены к уголовной ответственности за взяточничество и казнокрадство [Алауханов 2008]. В феврале 1983 г., незадолго до смерти Ю.В. Андропова, Политбюро ЦК КПСС приняло постановление об особом внимании Генеральной прокуратуры к расследованию «хлопкового дела», но и это расследование затормозилось с очередной сменой вождя (во время правления К.У. Черненко) и вновь активизировалось лишь при М.С. Горбачёве, которого избрали лидером партии голосами членов Политбюро, заинтересованных в продолжении линии Ю.В. Андропова на реформирование партийно-государственного аппарата и подавлении галопирующей коррупции.

Бюрократические кланы и их вклад в дезинтеграцию СССР

Клановый и олигархический характер власти в союзных республиках подталкивал процесс дезинтеграции СССР во многих отношениях. Мы рассмотрим лишь несколько факторов.

Обособление в целях бесконтрольности. Время правления региональных партийных вождей хотя и не было ограничено, но над многими из них нависала угроза обвинений в коррупции и в других злоупотреблениях властью, поэтому местная номенклатура постоянно стремилась к самозащите и отгораживанию от контролирующих органов союзного центра, однако путей такой самозащиты было немного. Одним из них можно назвать вовлечение в коррупцию влиятельных лиц в центре, и зачастую это удавалось: так, Ю.М. Чурбанов, первый заместитель министра МВД СССР и зять Л.И. Брежнева, признал на суде по «хлопковому делу» ряд эпизодов получения взяток от узбекских правителей¹. Во-вторых, следует отметить более или менее радикальное обособление от центра региональных систем государственного контроля прежде всего за счет расстановки «своих» протееже на посты глав местных силовых структур. Правда, примеры Г.А. Алиева и Э.А. Шеварднадзе показывают, что не всегда «свои» кадры выручали местных руководителей, поскольку некоторые региональные силовики больше делали ставку на центр,

¹ Бунтман С., Кузнецов А. (2019) Суд над зам. министра внутренних дел Юрием Чурбановым и другими по обвинению в коррупции (эпизод «хлопкового дела»), 1988 // Эхо Москвы. 11 августа 2019 // <https://www.youtube.com/watch?v=jJQwm7hJ704>, дата обращения 10.10.2022.

чем на «свое» региональное начальство. Вместе с тем длительная карьера Д.А. Кунаева, И.И. Бодюла, Ш.Р. Рашидова и других лидеров советских республик демонстрирует, что в большинстве случаев местные органы правопорядка вовлекались в состав региональной олигархии («семьи»), и такие номенклатурные группировки создавали плацдармы для регионального сепаратизма.

«Бюрократический национализм». Стремление многолетних правителей республик опереться на «свои» кадры стимулировало в ряде республик преимущественное привлечение представителей местных национальностей на руководящие должности в регионе. Для кого-то из республиканских лидеров эта практика закончилась снятием с должности: например, партийные документы свидетельствуют, что национализм ставился в вину П.Е. Шелесту в мае 1972 г. при его отстранении от руководства компартией Украинской ССР [Шановал 2013]. Но отношение центра к национализму других республиканских лидеров, прежде всего из числа друзей Л.И. Брежнева, было более снисходительным: так, в Казахстане, судя по новым исследованиям архивных материалов, за годы правления Д.А. Кунаева произошла кадровая «казахизация» системы партийно-государственного управления и высшего образования. К середине 1980-х гг. доля казахов в вузах Алма-Аты, где их численность насчитывала лишь 20% от всего городского населения, превышала три четверти как среди студентов, так и среди преподавателей [Казиев 2016, с. 433]: в феврале 1986 г. казахи составляли 75,8% всех студентов Казахского государственного университета [Казиев 2016, с. 434]. Доля этнических казахов среди партийного руководства была намного выше их доли среди рядовых коммунистов Компартии Казахской ССР, где преобладали этнические русские: в 1981 г. доля этнических казахов насчитывала только 38,6% коммунистов Казахстане, а среди членов ЦК Компартии Казахской ССР – 54%, в составе первых секретарей обкомов – 61% [Казиев 2016, с. 439]. В итоге к середине 1980-х гг. этнические казахи доминировали в администрациях, высшем образовании, науке и культуре Казахской ССР. В то же время доля казахов, занятых в промышленном производстве, фактически была заморожена. Огромные этнические перекосы в сфере образования, управления и занятости стали одним из оснований для претензий к Д.А. Кунаеву со стороны союзного руководства в постбрежневские времена. В специальном постановлении ЦК КПСС от 1986 г. отмечалось: «Руководящие органы республики устранились от целенаправленного формирования национальных кадров рабочего класса. <...> Сократился удельный вес казахов среди рабочих промышленности, особенно в угольной и металлургической отраслях» [Казиев 2016, с. 439]. В 1987 г. новый партийный лидер Казахстана Г.В. Колбин отмечал, что не только в промышленности, но и в производственной сфере сельского хозяйства кадров «хронически не хватает», зато в сфере управления республикой заметно значительное преобладание национальных кадров [Казиев 2016, с. 439].

Региональные и национальные амбиции. Преференции для повышения социально статусных позиций национальных кадров высшей бюрократии в ряде союзных республик, сложившиеся в брежневскую эпоху, создавали условия для роста амбиций региональной элиты, способствующих последующей дезинтеграции СССР. Значительную роль в культивировании этих амбиций сыграл процесс форсированного стирания социальных различий между республиками, который во многом носил имитационный характер и сопровождался ростом численности специалистов с высшим образованием, не адекватным ни уровню их реальных

знаний, ни социально-экономическим потребностям республик. Этот процесс зачастую порождал и завышенные представления о возможностях самостоятельного развития «своего» региона.

Национальные амбиции до сих пор препятствуют верным оценкам исторического прошлого ряда республик и пониманию реальных истоков многих общественных проблем, возникавших в советское время и воспроизводящихся ныне. Так, знаменитые коррупционные преступления советского времени в среднеазиатском регионе сегодня всё чаще оцениваются только как результат имперской политики союзного центра без учета связи коррупции с местными патримониально-олигархическими формами государственного управления и вертикально-клановой структурой власти в СССР [Юнусова 2009]. Такой вывод напрашивается не только после изучения оценок «хлопкового дела» и всей социально-экономической истории Узбекистана 1980-х гг. в современной республиканской историографии, но также на основе анализа действий властей этого государства. Бывший президент Узбекистана И.А. Каримов в год своего первого избрания на пост главы независимого государства (1991 г.) немедленно помиловал всех осужденных по «хлопковому делу», отбывавших наказание на территории республики [Злотницкая 1991]. Наш анализ подъема коррупции в постсоветском Узбекистане указывает на взаимосвязь между этим процессом и сохраняющимся влиянием клановых отношений в республике, а также снисходительным отношением ее властей к советским коррупционерам [Pain, Sharautdinova 2017]. К тому же и несменяемость власти в республике остается примерно такой же, какой была в советские времена.

Весьма односторонне оценивают историю советского государственного управления в национальных республиках и некоторые российские эксперты, также сводящие эту проблематику к советскому империализму. Например, петербургский этнолог З.В. Сикевич пишет: «Уже в декабре 1986 г. замена казахом Д.А. Кунаева на посту первого секретаря ЦК компартии Казахстана на русского Г.В. Колбина вывела на улицы местных студентов с антирусскими лозунгами. Этим непродуманным назначением М.С. Горбачёв поступил вопреки неписаной норме советской системы, когда республиканскую парторганизацию мог возглавлять только представитель титульного народа» [Сикевич 2017, с. 323]. Эта оценка крайне неточна во многих отношениях, прежде всего фактографически, поскольку в советском Казахстане не было традиции назначать казахом в качестве главы республиканской компартии, и до Д.А. Кунаева этот пост с 1953 г. занимали преимущественно неказахи, среди них: Г.А. Борков, П.К. Пономаренко, Л.И. Брежнев, И.Д. Яковлев, Н.И. Беляев. Но важнее другое: критики этого конкретного кадрового решения М.С. Горбачева не упоминают о вынужденном и экстренном характере замены Д.А. Кунаева, который был снят с должности за выявленные многочисленные злоупотребления властью. Острая необходимость борьбы с коррупцией и шире – с кланово-патримониальной системой власти, сложившейся в Средней Азии и в Казахстане, вынудили вначале Ю.В. Андропова, а затем и М.С. Горбачёва пойти на непопулярные меры по срочному обновлению республиканских кадров управленцами, не связанными с кланово-коррупционной системой, которая сложилась за десятилетия правления среднеазиатских лидеров (Ш.Р. Рашидова, Д.А. Кунаева, Т.У. Усубалиева и других). Наконец, следует задуматься и о том, была ли демонстрация против назначения Г.В. Колбина стихийной и народной.

В Казахстане самодеятельные демонстрации в советское время представлялись чрезвычайной редкостью – их пресекали в зародыше, а если милиция разрешала скопление людей в центре города, то чаще всего это кому-то в верах было нужно. В 1986 г. клан Д.А. Кунаева по понятным причинам был решительно недоволен смещением своего патриарха и подтолкнул к демонстрации не столько против Г.В. Колбина, сколько в защиту прежнего правителя.

В целом в среднеазиатском регионе позднесоветского периода национальная окраска демонстрациям, организованных властями весьма умело, чаще всего придавалась искусственно. Такого рода манипулируемую активность этнических групп в интересах правящих кланов я назвал «бюрократическим национализмом», который имел мало общего с реальным, низовым самодеятельным национализмом, в то время нелегальным и вступавшим в той или иной мере в противоречие с центральной и республиканской властями. Этот низовой подпольный национализм чаще всего переплетался с диссидентским движением.

Расширяющаяся география национал-диссидентских движений

В 1988 г. Председатель КГБ СССР В.М. Чебриков по поручению Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва подготовил справку о массовых беспорядках в период 1957–1988 гг. [Чебриков 1995]. Этот документ дает представление об одном из важнейших, но пока мало осознанных различий между советскими эпохами оттепели и стабильности. Я произвел некоторые группировки и подсчеты по материалам этого меморандума, которые показывает, что за семь лет правления Н.С. Хрущёва (1957–1964 гг.) КГБ зафиксировал 11 массовых беспорядков с числом участников более 300 чел., а за 20 лет правления Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова и К.У. Черненко (1964–1984 гг.) – лишь девять. При подавлении беспорядков использовались армейские подразделения и применялось оружие: в годы Н.С. Хрущёва – в восьми случаях, а в последующий период до перестройки – только в трех. При Н.С. Хрущёве количество убитых и раненных в ходе подавления беспорядков составило 264 чел., а во времена Л.И. Брежнева и его быстро сменявшихся приемников – 71 чел. [Чебриков 1995, с. 143–153]. Казалось бы, этот документ подтверждает представление о брежневской эпохе как о времени стабильности, наступившей вслед за социальным хаосом в эпоху оттепели. Однако такая оценка перестает казаться столь уж очевидной при сопоставлении разных форм протестной активности населения СССР.

В хрущёвскую эпоху волнения хотя и были массовыми, но в то же время оставались стихийными, аполитичными либо обновленческими по отношению к КПСС, требовавшими заменить «плохого» Н.С. Хрущёва на достойного коммуниста. Примером могут служить волнения в Тбилиси 6–9 марта 1956 г., где прокатилась серия массовых демонстраций по поводу решений XX съезда партии о «культе личности» и забвении «заслуг Сталина». Однако в требованиях демонстрантов не прослеживалось ни малейших признаков антикоммунизма, не говоря уже о каких-либо намеках на выход Грузии из состава СССР. Демонстранты выражали поддержку «оклеветанному Сталину» и выступали за смену лидеров КПСС как всё еще «своей» партии. У демонстрантов преобладали такие лозунги, как «Долой Хрущёва!»

и «С Лениным и Сталиным – к победе коммунизма!»². Даже июньские события 1962 г. в Новочеркасске, названные некоторыми публицистами восстанием, на самом деле не имели политической подоплеки: демонстранты не призывали к смене власти, а требовали от нее наказать провинившихся начальников на местах и улучшить условия жизни населения. Они всячески подчеркивали свою идеологическую лояльность, неся перед собой портреты В.И. Ленина [Козлов 2009, с. 24]. Ситуация изменилась именно в брежневскую эпоху: число открытых волнений в это время значительно уменьшилось, но протесты стали опаснее для политического режима и целостности страны, при этом во многих республиках впервые сформировались политически мотивированные антисоветские и сепаратистские движения. В 1940–1950-е гг. единичными в СССР зонами проявления массового политического национализма стали республики Балтии и западные регионы Украины, а в «стабильные» 1960-е гг. националистическое подполье распространилось на новые территории.

В Грузии «протестный сталинизм» как основная форма инакомыслия 1950-х гг. иссяк в 1960-е гг. и сменился политическим антисоветским национализмом, а в качестве объединяющих символов диссидентства выступал уже не И.В. Сталин, а другие фигуры национальных героев, грузинских царей, великих писателей, лидеров первой грузинской республики 1918–1921 гг. или религиозные символы, такие как Тетри Гиорги («Белый Георгий Победоносец»). Л.М. Алексеева отмечает, что в 1960–1970-е гг. в Грузии зародились подпольные националистические кружки, в которых участвовали такие антисоветские лидеры национал-диссидентства, как З.К. Гамсахурдиа и М.И. Костава [Алексеева 2001, с. 48]. В эту же эпоху политический национализм стал знаменем оппозиции и в Армении: в 1965 г. мир отметил трагическую дату – 50-летие геноцида армян в Османской империи, что само по себе стимулировало взлет армянской этнополитической активности; в 1966 г. была создана нелегальная Национальная объединенная партия (НОП), в программе которой главной провозглашалась идея независимости Армении от Советского Союза [Алексеева 2001, с. 45].

На Кавказе этнический национализм у одних народов подталкивал к нему другие этнические группы в силу этнической чересполосицы, интенсивных взаимных контактов и политической взаимозависимости. Оживление грузинского национализма всколыхнуло этническую антигрузинскую мобилизацию в автономиях этой советской республики – Абхазии и Южной Осетии, где местные движения не призывали к независимости, а добивались административного переподчинения автономий, их перехода из Грузии в состав РСФСР [Гумба 2005]. Разумеется, такой национализм встречал сопротивление у партийных властей Грузии, а вслед за ними и в ЦК КПСС, следовательно, и этот национализм можно считать нелегальным.

Если «диссидентский национализм» появился в Грузии и в Армении, то он не мог не появиться и в Азербайджане, где подъем национализма был связан прежде всего с именем А.Г. Эльчибея (настоящая фамилия Алиев), который в 1973 г. организовал первую в АзССР националистическую организацию «Свобода», а уже через два года был арестован сотрудниками КГБ³.

² Колодин К. (2011) Они сражались за Сталина // Известия. 9 марта 2011 // <https://archive.is/20130417024514/www.izvestia.ru/hystory/article3152533/#selection-507.0-507.24>, дата обращения 10.10.2022.

³ Айвазовский И. (2000) Жизнь и смерть Абульфазы Эльчибея // Независимая газета. 23 августа 2000 // https://www.ng.ru/cis/2000-08-23/5_lichbei.html, дата обращения 10.10.2022.

У диссидентских групп трех республик Южного Кавказа четко прослеживается общий повод для заявления о восстановлении независимости государств, существовавших здесь в 1918–1921 гг. Схожесть ситуаций в Грузии, Армении, и Азербайджане проявилась и в первые годы их постсоветской истории: в каждой из этих республик к власти пришли лидеры национальных движений (З.К. Гамсахурдиа, Л.А. Тер-Петросян и А.Г. Эльчибей), ставшие президентами своих стран, однако надолго эту власть они удержать не смогли.

Причины роста «диссидентского национализма» в эпоху стабильности и мера его проявления в разных республиках

Я уже отмечал ограниченность гипотезы о росте национализма как прямого ответа на навязывание имперской воли народам СССР. Она совсем не объясняет причин подъема национализма именно в брежневские годы, когда давление Кремля на республики и национальные элиты было куда меньшим, чем во времена И.В. Сталина и Н.С. Хрущёва. Поэтому я предлагаю свое обоснование причин подъема национализма в эпоху «застоя». На мой взгляд, низовой, «диссидентский национализм» стал развиваться в ряде союзных республик в брежневские времена прежде всего как ответ на ослабление советской политической системы и идеологии.

В годы Великой Отечественной войны сплочение граждан СССР сливалось в массовом сознании с советской идеологией, господствовавшей на большей части территории страны, за исключением регионов, присоединенных к СССР в 1939–1940 гг. После войны советская идеология стала ослабевать, а недовольство хрущевскими реформами лишь ускорило этот процесс, хотя, как я пытался показать, в хрущевский период советская идеология всё еще преобладала в большинстве регионов СССР, а признаки ее кризиса проявились позднее, в эпоху стабильности, или, по-другому, застоя.

Сама концепция «застоя» отражает кризис советской модели политического развития и советской идеологии. Застой – это время, когда стало заметнее экономическое отставание Советского Союза от развитых стран Запада. Они всё еще представляли перед советскими людьми в образе врага, но страх перед Западом со временем ослабевал, особенно после того, как сами советские лидеры в 1970-е гг. ввели в оборот термин «разрядка международной напряженности». В этих условиях негативная консолидация советского общества страхом перед «капиталистическим миром» становилась затруднительной, а образ свободного Запада приобретал всё большую привлекательность в глазах советских граждан; именно в это время впервые началась массовая эмиграция из СССР. Опираясь на детище «разрядки» – Международный пакт ООН «О гражданских и политических правах», ратифицированный Указом Президиума ВС СССР от 18 октября 1973 г., из Союза выехали по этническим квотам почти 300 тыс. евреев и около 100 тыс. немцев, а общий объем этнической эмиграции из СССР до 1985 г. составил не менее 447 тыс. чел. и включал в себя армян, греков, курдов, турок и другие национальности [Полян 2006]. Почти полмиллиона эмигрантов – это много, но в разы больше насчитывалось людей, подавших заявление на выезд,

но не получивших его в силу чрезвычайной ограниченности квот на эмиграцию. Эти люди на долгие годы пополнили ряды «отказников» – активного отряда диссидентского движения в СССР [Алексеева 2001, с. 66–80].

Во времена застоя постепенно слабела надежда на обновление коммунистической идеи и на появление «хорошего социализма». Одновременно всё заметнее проявлялся имитационный характер социализма в условиях растущего социального расслоения общества и появления признаков теневого капитализма и повсеместной коррупции. Слово «блат» – блага, получаемые по знакомству или связям в распределительной системе, – стало в брежневские времена важной частью советского обихода. В это время прекращается критика И.В. Сталина и сталинизма и навязывается культ нового вождя – Л.И. Брежнева, но этот культ почти сразу же осмеивается в анекдотах и предстает в общественном дискурсе в виде фарса. Людям трудно было воспринимать в качестве великого политика, мыслителя и писателя (лауреата Ленинской премии в области литературы за 1979 г.) человека, с трудом зачитывающего тексты на своих публичных выступлениях. С сомнением отнеслось советское общество и к пропагандистской шумихе вокруг принятия третьей советской Конституции (1977 г.), необходимость которой была непонятна большинству советских людей и воспринималась ими всего лишь как очередное средство возвеличивания коммунистического вождя, пожелавшего заменить «сталинскую» конституцию 1936 г. на свою, «брежневскую».

Национализм в 1960–1980-х гг. развивался в местах, освобождаемых слабеющей советской идеологией; он был простой и доступный общественному сознанию альтернативой советскому образу мысли в национальных республиках СССР, хотя и не во всех. Наименьшим оказалось влияние национализма в республиках Средне-Азиатского региона: здесь оппозиционность советской власти если и возникала, то опиралась не на национальную, а преимущественно на религиозную мобилизацию. Это ярко проявилось в 1920–1930-е гг., в период подъема басмачества, и с конца 1980-х гг., когда в регионе активизировались «Исламская партия Узбекистана», «Исламское движение Туркестана», «Воины Ислама» и др.

Наибольший размах «диссидентского национализма» проявился на территориях, присоединенных к СССР после 1939 г. В Латвии, Литве и Эстонии политический национализм ставил своей целью восстановление независимости этих республик, а в Западной Украине – создание украинского национального государства. В этих регионах до 1955 г. продолжалось массовое вооруженное сопротивление советской власти, а после его подавления национализм ушел в подполье, которое в 1960–1980-е гг. стало весьма разветвленным, постоянно обновляясь за счет притока молодежи [Королева и др. 2014]. Устои национализма были особенно крепки там, где исторически господствовал протестантизм, сочетавшийся со сравнительно развитыми проявлениями гражданского общества, прежде всего в Эстонии. Л.М. Дробижева, ссылаясь на исследования, проведенные в этой республике в начале 1980-х гг., отмечала, что в те годы открыто поддерживали движение сопротивления не более 10% населения республики, но при этом не менее 40% преимущественно этнических эстонцев участвовали в национально ориентированной общественной деятельности: не запрещенной, но явно выпадающей из советской идеологической системы: в хоровых объединениях, национальных книжных клубах, религиозных организациях [Дробижева 2013, с. 63]. В эпоху

перестройки именно эти институты гражданского общества стали основой для национальной консолидации и опорой для эстонской независимости.

Между двумя полюсами развития «диссидентского национализма» – балтийским и среднеазиатским – располагались все прочие республики Советского Союза. Грузия, Армения и Молдавия демонстрировали сравнительно высокий уровень протестного национализма, приближающийся к наивысшему балтийскому полюсу диссидентства. Азербайджан, Россия, Белоруссия и большая часть Украины представляли, на мой взгляд, средний и ниже среднего уровни его проявления в указанный период.

В русской среде преобладала не этническая, а государственная самоидентификация. По данным исследований, проведенных Институтом этнографии АН СССР, в 1980-е гг. до 80% русских называли себя прежде всего гражданами СССР, тогда как другие народы определяли себя не как «советские люди» или «советский народ», а в первую очередь этнически – как эстонцы, грузины, молдаване и так далее [Дробижева 2010]. Именно особенности этнических русских в СССР отражались в словах популярной в те годы песни: «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз», поскольку у носителей другой этничности преобладала идентификация со своей республикой, своим домом и своей улицей. Русское большинство населения СССР не располагало ресурсами этнической самоорганизации, тем не менее в 1970-х гг. стали заметными отдельные оппозиционные выступления националистически ориентированных деятелей русской культуры: писателя А.И. Солженицына, математика и националистического публициста И.Р. Шафаревича, историка Л.Н. Гумилева [Алексеева 2001, с. 203–205].

Помимо фундаментальных предпосылок развития «диссидентского национализма», связанных с системным кризисом советской политической системы, его подъем в брежневские времена был также обусловлен рядом конкретных шагов властей СССР в сфере государственного управления.

Имитация единства и слияния наций

Чем заметнее становился кризис советской идеологии, тем больше советские лидеры пытались противопоставить ему имитацию успехов социализма, в результате чего родилась формула, представляющая время правления Л.И. Брежнева как эпоху «развитого социализма», которая непосредственно предшествует полной «победе коммунизма» в СССР. В сфере национальной политики о приближении страны к коммунистическому идеалу должна была свидетельствовать концепция «советского народа как новой исторической общности», якобы отражающая завершение процесса сближения советских этнических наций вплоть до слияния в единый народ. Все эти новации были закреплены в новой Конституции СССР 1977 г. и должны были быть отражены в таких же новых конституциях союзных республик (1978 г.), однако сама их подготовка и стихийно возникшее обсуждение породили актуальные волнения и долгосрочные проблемы.

Термин «советский народ» был вписан в преамбулы новых республиканских конституций, но само стремление властей форсировать слияние наций в «единую историческую общность» радикально расходилось как с этнической самоиден-

тификацией титульных национальностей, так и с повседневной практикой советского государственного управления, которая предписывала гражданину СССР указывать свою национальность, то есть этническую принадлежность, в многочисленных официальных анкетах не только при приеме на работу или при поступлении в вуз, но даже при поселении в гостиницу или записи в библиотеку. Графа «национальность» была обязательной в паспорте и стояла пятой в анкетах (после фамилии, имени, отчества и социального положения), и уже само ее место указывало на важность этой характеристики советского человека. По контрасту с этой практикой утвержденные Кремлём шаблоны новых республиканских конституций избегали постановки вопроса о национальностях, а титульные национальности и вовсе не упоминались. Во всех проектах республиканских конституций 1978 г. статья 1 формулировалась одинаково и безнационально: «Армянская (или Казахская, Украинская, Эстонская и др. – *прим. автора*) Советская Социалистическая Республика есть социалистическое общенародное государство»⁴. В шаблонах республиканских конституций не предусматривалось понятие «государственный язык республики», и основное внимание уделялось обеспечению условий употребления в государственных учреждениях русского языка [*Пономарев* 1982]. Русскому языку фактически присваивался статус единственного государственного, однако такой подход вызвал сильнейшее недовольство в ряде республик, особенно в Грузии, поскольку на тот момент в Конституции этой республики от 1937 г. (статья 156) было записано: «Государственным языком Грузинской ССР является грузинский язык»⁵. Мало кто ожидал, что несогласие с отменой этой нормы в новой республиканской конституции вызовет небывалые по массовости протесты. 14 апреля 1978 г. только в Тбилиси на демонстрацию, которая уже тогда называлась «протестом против русификации Грузии», вышло около 100 тыс. чел.⁶ Кремль, опасаясь применения оружия против столь массовых демонстраций, пошел на уступки. К вечеру того же дня Первый секретарь ЦК КП Грузии Э.А. Шеварднадзе, довольный таким развитием событий, вышел к демонстрантам и зачитал новый вариант Конституции Грузинской ССР, по которой в республике восстанавливалась норма о грузинском языке как государственном [*Алексеева* 2001, с. 49–50]. Вскоре аналогичные статьи о государственном языке появились и у соседей Грузии: в конституциях Азербайджанской и Армянской ССР, а также в основном законе Абхазской АССР, что вполне объяснимо, учитывая взаимосвязи кавказских народов и республик.

В республиках Балтии вопрос о защите национальных языков встал еще в конце 1950-х гг. в связи с массовым притоком сюда новых жителей и иноязычной рабочей силы. Как отмечает историк А. Вдовин, в марте 1959 г. Рижский горком партии принял решение, обязывающее всех нелатышей изучить латышский язык; не усвоивших его в течение двух лет предлагалось освобождать от работы, а неработающих – выдворять из республики⁷. Через месяц это решение было под-

⁴ Редакции Конституции СССР 1977 г. // https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/, дата обращения 20.11.2022.

⁵ Обсуждение проекта Конституции в Грузии // *Хроника текущих событий*. № 49 // <http://hts.memo.ru/xtc49-43.htm>, дата обращения 20.11.2022.

⁶ Обсуждение проекта Конституции в Грузии // *Хроника текущих событий*. № 49 // <http://hts.memo.ru/xtc49-43.htm>, дата обращения 20.11.2022.

⁷ Вдовин А. (2007) Русский вопрос в истории XX века и на современном этапе // *Русская народная линия*. 20 июня 2007 // https://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/06/20/russkij_vopros, дата обращения 10.10.2022.

держано ЦК КП Латвии, а вскоре аналогичные решения принял ЦК КП Эстонии. Однако эти инициативы были на корню подавлены Кремлём, а партийные лидеры, инициировавшие или поддерживавшие их, были сняты со своих постов. К моменту принятия республиканских конституций 1978 г. ни один партийный руководитель в балтийских республиках уже не осмеливался поднимать вопрос не только о государственном языке республик, но даже о простой необходимости изучения национальных языков на данной территории. Что касается национальных движений в балтийских республиках, то их лидеры демонстративно отказывались от обсуждения советских конституций, считая их заведомо нелегитимными. В то время националисты Эстонии, Латвии и Литвы добивались публикации секретных протоколов к пакту Молотова-Риббентропа как свидетельства изначальной незаконности самого факта включения этих республик в состав СССР [Королева и др. 2014]. Впрочем, в 1978 г. эти инициативы не вызвали значительной протестной активности представителей титульных национальностей, и этому вряд ли следует удивляться после массовых депортаций 1940-х и 1950-х гг. Однако спустя всего лишь десятилетие, в 1987–1988 гг., ситуация кардинально изменилась: в сознательную жизнь и в политику пришло новое «непоротое поколение», и республики Балтии выступили пионерами «парада суверенитетов» в СССР. Первыми требованиями народных фронтов, возникших в регионе, стали защита национальных языков и возрождение наций, выступавшие мощным средством политической мобилизации масс.

Заключение: невыученные уроки истории

Хочу подчеркнуть, что я вовсе не считаю практику государственного управления брежневской эпохи непосредственной причиной распада Советского Союза. Возникшие в ее недрах латентные признаки национализма могли бы и не стать факторами дезинтеграции СССР при условии иной политической ситуации, сложившейся после 1985 г. Эпоха перестройки неслучайно привлекла к себе внимание известных исследователей национализма, поскольку как национальная политика М.С. Горбачёва, так и действия его противников, создателей ГКЧП, превратили латентные факторы национализма в реальные, а дезинтеграционные процессы были усилены лидерами постсоветских республик. Но, как уже отмечалось, все эти аспекты дезинтеграции хорошо изучены в отличие от исследований вклада в дезинтеграцию исторического времени, предшествующего перестройке. Главный урок, который, на мой взгляд, может быть вынесен из опыта эпохи брежневской стабильности, близок к идее старой русской мудрости про тихий омут.

Я полагаю, что проведенный анализ подтвердил гипотезу о том, что эпоха «застоя» стала катализатором накопления дезинтеграционных факторов: (а) «обособления» республиканских элит от центра; (б) «олигархизации» властных элит – создания патримониальных сообществ бюрократии, монополизирующей власть в союзе с теневым бизнесом; (в) формирования национал-диссидентского движения во многих республиках, в которых оно не проявилось ни при И.В. Сталине, ни при Н.С. Хрущёве. Именно в брежневское время

оппозиционный национализм сумел предложить альтернативный дискурс слабеющей советской коммунистической идеологии – дискурс национального возрождения в независимых государствах.

Особое внимание мы уделили такой слабо изученной разновидности национализма, как «номенклатурный национализм», который расцвел в брежневскую эпоху. Удивительно, что значение этого явления недооценено в науке, хотя после распада СССР лишь в немногих бывших союзных республиках к власти пришли силы, которые в советское время могли квалифицироваться как национал-диссиденты, и только в республиках Балтии они и их наследники сумели в последующее тридцатилетие удержать власть демократическим путем. Во всех прочих республиках бывшего Советского Союза основным бенефициаром распада СССР и обретенной республиками независимости стала бывшая советско-коммунистическая бюрократия, которая как раз в годы «застоя» получила беспрецедентные возможности приватизации своих республиканских «уделов». Наиболее слабым оказался «диссидентский национализм» в Казахстане, в республиках Средней Азии и в Азербайджане. Я предполагаю, что в обществах с высоким уровнем сохранности культуры, которую Г. Алмонд и С. Верба называли «патриархальной» или «пархиальной» [Almond, Verba 1989], в условиях массовой, глубокой религиозности населения возможности развития этнического национализма ограничены. Исламский фундаментализм, судя по опыту многих регионов мира, также в каких-то аспектах сдерживает развитие национализма.

Разумеется, вынося в название статьи слова об уроках брежневской эпохи, я имел в виду уроки для Российской Федерации, анализ вероятности повторения в нашей стране перехода латентных факторов дезинтеграции в реальные. Мне уже приходилось писать о радикальных отличиях современной этнополитической ситуации в нашей стране от той, которая сложилась как в Советском Союзе, так и в России 1990-х гг. [Pain 2019]. Прошедшие с той публикации годы лишь подтвердили вывод о том, что в Российской Федерации во второй декаде 2000-х гг. заметно ослабли все проявления организованного националистического движения у представителей титульных национальностей республик, в том числе и тех, которые в 1990-е гг. выступали лидерами национального сепаратизма. В настоящее время ощутимо уменьшились и проявления ксенофобии, во всяком случае, по отношению к большинству народов России. Взаимоотношения республик РФ и центра больше не являются эпицентром этнополитических проблем, поскольку сейчас проблемы межэтнических отношений в большей мере сосредоточены в крупнейших городах страны и связаны с притоком в них этнических мигрантов. Ни в одном из российских регионов невозможно обнаружить серьезные или хоть сколько-нибудь заметные признаки сепаратизма, но и в брежневскую эпоху они были достаточно слабы. Не только советские обществоведы, но и западные советологи не предсказывали дезинтеграции страны, проявившейся менее чем через десять лет после смерти советского лидера. Один из невыученных уроков его эпохи состоит в сохраняющемся невнимании политиков и исследователей к скрытым накапливающимся факторам дезинтеграции.

На мой взгляд, в республиках современной Российской Федерации сохраняется опасность повторения советского сценария приватизации региональными элитами власти и значительной части общественных благ. Весьма настораживает тот факт, что эффективные преграды для такого сценария в виде реальной от-

ветственности элит перед обществом и общественного контроля над бюрократией пока не проявились, также сохраняется в нынешней России, по крайней мере в ряде ее республик, и вероятность роста национал-диссидентских групп.

Уроки повторяющихся циклов смены исторических эпох реформ и контрреформ всё еще слабо осмыслены, хотя такая смена возникала и в постсоветское время. В российском общественном дискурсе 1990-е гг. воспринимаются преимущественно как эпоха пугающих перемен и дезорганизации («хаоса 90-х»), а 2000-е гг., напротив, предстают как эпоха стабилизации государственного управления, восстановления вертикали власти и единства страны.

Разумеется, современная эпоха «стабильности» во многом отличается от брежневской, но есть между ними и некоторое сходство. Например, в сфере национальной политики в обоих случаях можно найти:

1. Тяготение государственного управления к форсированной и во многом показной национально-государственной интеграции общества, зафиксированное в государственных идеологемах: в концепции «советский народ – новая историческая общность», представленной в Конституции 1977 г., и в современной идее «единой российской нации», закрепленной в «Стратегии государственной национальной политики до 2025 года». Первая идея, как мы показывали, не соответствовала преобладающей идентификации титульных групп в национальных республиках СССР, ставших вскоре независимыми государствами; вторая плохо приживается в тех республиках Российской Федерации, в которых преобладает не общегражданская, а регионально-этническая идентичность [Pain 2019].

2. Ориентацию управленцев в такой форсированной интеграции в основном на дискурсивные практики. Обе концепции («советский народ» и «российская нация») отражают не столько реальные усилия государства по развитию горизонтальных гражданских связей между индивидами и этническими группами, сколько информационно-символические практики, имитирующие в декларациях несуществующее единство и маскирующее межгрупповые противоречия.

3. Использование преимущественно запретительно-ограничительных инструментов для усиления национально-государственного единства. В настоящее время центральная (федеральная) власть не пытается открыто отменить норму о «государственном языке республик» в республиканских конституциях, но принимает решение о обязательном (сугубо добровольном) изучении таких языков. Президент России 20 июля 2017 г. поручил Генеральной прокуратуре проверить добровольность изучения республиканских государственных языков⁸, хотя соответствующие поправки в Закон об образовании (статья 14 «Язык образования») были внесены лишь в июле 2021 г.⁹

Возникает вопрос: как может функционировать какой-либо язык в качестве государственного, если граждане не обучены ему и не владеют им, в отличие от русского языка как государственного, который является обязательным для изучения? В далекие 1950-е гг. даже советские партийные лидеры, назначенные Кремлём руководить балтийскими республиками, понимали, что если не требовать

⁸ Перечень поручений по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям (2021) // Президент России. 30 марта 2021 // <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/65624>, дата обращения 10.10.2022.

⁹ Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.07.2021) (2021) // КонсультантПлюс // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/bf7fad63532c712ccd28cc2599243fb8018ed869/, дата обращения 10.10.2022.

от русскоязычного населения овладения языком титульных национальностей, то такие языки будут проигрывать конкуренцию русскому, вследствие чего у местных жителей будет нарастать недовольство русификацией. Именно по этой причине решение В.В. Путина о государственных языках республик вызвало протесты среди этнических элит. Правда, недовольство проявилось не во всех республиках Федерации; при этом там, где оно стало заметным (республики Татарстан, Башкортостан, Коми и Чувашия), это недовольство не породило массовых волнений и тем более не создало угрозы целостности страны. Вместе с тем следует напомнить еще один исторический урок советского государственного управления, который преподали республики Балтии.

Нарастание протестной активности местных национальных групп в 1978–1987 гг. подтвердило давнюю историческую закономерность: национальные обиды, как правило, не забываются, они могут быть отложены в массовом сознании на десятки лет, а затем, в периоды системных кризисов, вновь оживают благодаря усилиям национальных элит. Эксплуатация национальных обид обычно проявляется во времена, наихудшие для сохранения целостности страны и наилучшие для проявления национал-сепаратизма.

Все перечисленные в статье угрозы дезинтеграции страны вовсе не преопределены и не означают, что они неизбежно будут реализованы, но политикам их игнорировать не следует.

Список источников

- Алауханов Е.О. (ред.) (2008) Борьба с коррупцией в государственных органах Республики Казахстан: учебное пособие. Алматы.
- Алексеева Л.М. (2001) История инакомыслия в СССР: Новейший период. М.: РИЦ «Зацепа».
- Артизов А.Н., Сигачев Ю.В. (2020) В октябре шестьдесят четвертого: смещение Хрущева. Источниковедческие и историографические заметки. М.: Университет Дмитрия Пожарского.
- Гумба Г.Д. (2005) Идеино-политические проблемы становления и развития Абхазского государства // Перспективы сохранения и развития абхазской нации. Сухум. С. 64–72.
- Дробижева Л.М. (2010) Идентичность и этнические установки русских в своей и в неэтнической среде // Социологическим исследования. № 12. С. 49–58 // <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-12/Drobizheva.pdf>, дата обращения 10.10.2022.
- Дробижева Л.М. (2013) Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации: Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф.
- Дульнев М.В. (2008) Коррупция и борьба с ней в Советском государстве в 1917–1991 гг.: историко-правовое исследование. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата юридических наук. М.: Университет МВД России.
- Злотницкая В. (1991) Адылов выпущен на волю // Коммерсант. 30 декабря 1991 // <https://www.kommersant.ru/doc/2181>, дата обращения 10.10.2022.
- Казиев С.Ш. (2016) Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 годы). Рукопись диссертации на соискание степени доктора исторических наук. М.
- Козлов В.А. (2009) Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.). М.: РОССПЭН.
- Королева Л.А., Королев А.А., Молькин А.Н. (2014) Советское оппозиционное движение в Прибалтике: 1950–1980-е гг. // История и археология. № 4 // <https://history.snauka.ru/2014/04/956>, дата обращения 10.10.2022.

- Митрохин Н. (2020) Титульный национализм: советское наследие в постсоветском строительстве национальных государств // Рогов К., Гонтмахер Е.Ш. (ред.) Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя. М.: НЛЮ. С. 415–445.
- Мохов В.П. (1998) Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990 гг.). Пермь: Издательство Пермского технического университета.
- Некряч А.М. (1997) Золотой век номенклатуры // Афанасьев Ю.Н. (ред.) Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. Апогей и крах сталинизма. М.: Российский государственный университет. С. 400–445.
- Пихоя Р.Г. (2000) Советский Союз. История власти. 1945–1991. Новосибирск.
- Полян П. (2006) Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Демоскоп Weekly. № 251–252 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/analit01.php>, дата обращения 10.10.2022.
- Пономарев Б.Н. (ред.) (1982) Конституция СССР: политико-правовой комментарий. М.: Политиздат.
- Сикевич З.В. (2017) Противоречия советской национальной политики: размышления эксперта // Вестник СПбГУ: Социология. Т. 10. № 3. С. 315–328. DOI: 10.21638/10.21638/11701/spbu12.2017.305
- Тишков В.А. (2001) Этнология и политика. М.: Наука.
- Фурсов А.И. (2009) Леонид Брежнев и его эпоха // Andreyfursov.ru. 19 мая 2009 // http://andreyfursov.ru/news/leonid_brezhnev_i_ego_ehpokha/2009-05-19-22, дата обращения 10.10.2022.
- Чебриков В.М. (1995) «О массовых беспорядках с 1957 года». Записка в ЦК КПСС // Вестник Архива Президента РФ. № 6. С. 143–153.
- Чешко С.В. (2000) Распад СССР: этнополитический анализ. М.: ИЭ РАН.
- Шаповал Ю.И. (2013) Петр Шелест. Харьков: Фолио.
- Юнусова Х.Э. (2009) Социально-экономические процессы и духовная жизнь в Узбекистане в 80-х годах XX века. Автореферат диссертации на соискание степени доктора исторических наук. Ташкент.
- Almond G., Verba S. (1989) *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*, Sage Publications.
- Cohen S.F. (2011) *Soviet Fates and Lost Alternatives: From Stalinism to the New Cold War*, New York: Columbia University Press.
- Dunlop J.B. (1993) *The Rise of Russia and Fall of the Soviet Empire*, Princeton University Press.
- Gellner E. (1983) *Nations and Nationalism*, Ithaca: Cornell University Press.
- Gellner E. (1999) The Coming of Nationalism, and Its Interpretation: The Myths of Nation and Class // *The Politics and Economics of Power* (eds. Bowles S., Franzini M., Pagano U.), London: Routledge, pp. 98–145.
- Lieven D. (2000) *Empire: The Russian Empire and Its Rivals*, New Haven.
- List of Leaders of Kazakhstan (2021) // World Heritage Encyclopedia // http://worldheritage.org/articles/List_of_leaders_of_Kazakhstan, дата обращения 10.10.2022.
- Pain E. (2019) Ethnic Negativism in the Age of Populism: The Case of Russia // *Social Sciences*, vol. 50, no 1, pp. 3–22.
- Pain E., Sharautdinova D. (2017) Multiple Modernities: Features of Bureaucratic Hierarchy and Corruption in Clannish Societies // *Social Sciences*, vol. 48, no 2, pp. 101–113.
- Suny R.G. (1993) *The Revenge of the Past: Nationalism Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*, Stanford: Stanford University Press.

Nationalism Under the Cover of Stability: Exploring the Latent Factors of Soviet Disintegration (The Lessons of the Brezhnev Era)

E.A. PAIN*

***Emil A. Pain** – DSc in Politics, Research Professor, Department of State and Municipal Service, HSE University, Moscow, Russian Federation, epain@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8796-187X>

Citation: Pain E.A. (2023) Nationalism Under the Cover of Stability: Exploring the Latent Factors of Soviet Disintegration (The Lessons of the Brezhnev Era). *Mir Rossii*, vol. 32, no 1, pp. 87–108 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-1-87-108

Abstract

This article analyzes the influence of the ethnic-national policy on the growth of nationalism in the Soviet Union, during the so called “Era of Stagnation” (or “the Era of Stability”, according to some authors), i.e., the time of Brezhnev’s leadership in the USSR (1964–1982). This period is compared to that of the post-Stalinist reforms, also known as “the Thaw” under the rule of Khrushchev (1954–1964). The article asks to what extent managerial decisions, initially aimed at stabilizing and preserving the Soviet regime, could generate the opposite trends and serve the gradual accumulation of political destabilization. The paper suggests that the period of Brezhnev’s stabilization was a time of accumulation of two factors that played a crucial role in the subsequent collapse of the USSR: grassroots dissident nationalism and top-down bureaucratic nationalism. It also demonstrates the unequal ratio of these varieties of nationalism in different Soviet republics. Against the backdrop of national language, policy decisions taken under Brezhnev, the article points to the reproduction of some risks in interethnic relations in Russia in the foreseeable future.

Keywords: “the Era of Stability”, nationalism, cronyism, corruption, collapse of the USSR

References

- Alaukhanov E.O. (ed.) (2008) *The Fight Against Corruption in the State Bodies of the Republic of Kazakhstan: A Textbook*, Almaty (in Russian).
- Almond G., Verba S. (1989) *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*, Sage Publications.
- Alekseeva L.M. (2001) *The History of Dissent in the USSR: The Latest Period*, Moscow: Zatsapa (in Russian).
- Artizov A.N., Sigachev Yu.V. (2020) *In October of the Sixty-fourth: The Removal of Khrushchev Source Studies and Historiographical Notes*, Moscow: Dmitry Pozharsky University press (in Russian).
- Chebrikov V.M. (1995) “On mass riots since 1957”. A Note to the Central Committee of the CPSU. *Bulletin of the Archive of the President of the Russian Federation*, no 6, pp. 143–153 (in Russian).

The article was received in June 2022.

- Cheshko S.V. (2000) *The Collapse of the USSR: Ethnopolitical Analysis*, Moscow: IE RAS (in Russian).
- Cohen S.F. (2011) *Soviet Fates and Lost Alternatives: From Stalinism to the New Cold War*, New York: Columbia University Press.
- Drobizheva L.M. (2010) Identity and Ethnic Attitudes of Russians in Their Own and Outside the Ethnic Environment. *Sociological Studies*, no 12, pp. 49–58. Available at: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-12/Drobizheva.pdf>, accessed 10.10.2022 (in Russian).
- Drobizheva L.M. (2013) *Ethnicity in the Socio-political Space of the Russian Federation: 20 Years of Experience*, Moscow: Novyj Khronograph (in Russian).
- Dul'nev M.V. (2008) *Corruption and the Fight against it in the Soviet State in 1917–1991: A Historical and Legal Study*. An abstract of a dissertation, Moscow: University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (in Russian).
- Dunlop J.B. (1993) *The Rise of Russia and Fall of the Soviet Empire*, Princeton University Press.
- Fursov A.I. (2009) Leonid Brezhnev and His Epoch. *Andreyfursov.ru*, May 19, 2009. Available at http://andreyfursov.ru/news/leonid_brezhnev_i_ego_ehpokha/2009-05-19-22, accessed 10.10.2022 (in Russian).
- Gellner E. (1983) *Nations and Nationalism*, Ithaca: Cornell University Press.
- Gellner E. (1999) The Coming of Nationalism, and Its Interpretation: The Myths of Nation and Class. *The Politics and Economics of Power* (eds. Bowles S., Franzini M., Pagano U.), London: Routledge, pp. 98–145.
- Gumba G.D. (2005) Ideological and Political Problems of the Formation and Development of the Abkhazian State. *Prospects for the Preservation and Development of the Abkhazian Nation*, Sukhum, pp. 64–72 (in Russian).
- Kaziev S.Sh. (2016) *Soviet National Policy and Problems of Trust in Interethnic Relations in Kazakhstan (1917–1991)*. An abstract of the dissertation, Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Koroleva L.A., Korolev A.A., Mol'kin A.N. (2014) The Soviet Opposition Movement in the Baltic States: 1950–1980-es. *History and Archeology*, no 4. Available at: <https://history.snauka.ru/2014/04/956>, accessed 10.10.2022 (in Russian).
- Kozlov V.A. (2009) *Mass Riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev (1953 – early 1980s)*, Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- List of Leaders of Kazakhstan (2021). *World Heritage Encyclopedia*. Available at: http://worldheritage.org/articles/List_of_leaders_of_Kazakhstan, accessed 10.10.2022.
- Lieven D. (2000) *Empire: The Russian Empire and Its Rivals*, New Haven.
- Mitrokhin N. (2020) Titular Nationalism: The Soviet Legacy in the Post-Soviet Construction of National States. *Dismantling Communism. Thirty Years Later* (eds. Rogov K., Gontmacher E.S.), Moscow: NLO, pp. 415–445 (in Russian).
- Mokhov V.P. (1998) *The Evolution of the Regional Political Elite of Russia (1950–1990)*, Perm: Technical University Press (in Russian).
- Nekrich A.M. (1997) The Golden Age of Nomenclature. *Soviet Society: Emergence, Development, Historical Final. Vol. 2. Apogee and Collapse of Stalinism* (ed. Afanasyev Yu.N.), Moscow: Russian State University press, pp. 400–445 (in Russian).
- Pain E. (2019) Ethnic Negativism in the Age of Populism: The Case of Russia. *Social Sciences*, vol. 50, no 1, pp. 3–22.
- Pain E., Sharautdinova D. (2017) Multiple Modernities: Features of Bureaucratic Hierarchy and Corruption in Clannish Societies. *Social Sciences*, vol. 48, no 2, pp. 101–113.
- Pikhoya R.G. (2000) *Soviet Union. The History of Power. 1945–1991*, Novosibirsk (in Russian).
- Polyan P. (2006) Emigration: Who and When Left Russia in the XX Century. *Demoscope Weekly*, no 251–252. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/analit01.php>, accessed 10.10.2022 (in Russian).
- Ponomarev B.N. (ed.) (1982) *The Constitution of the USSR: Political and Legal Commentary*, Moscow: Politizdat (in Russian).
- Shapoval Yu.I. (2013) *Peter Shelest*, Kharkiv: Folio (in Russian).

- Sikevich Z.V. (2017) Contradictions of Soviet National Policy: Reflections of an Expert. *Bulletin of St. Petersburg State University: Sociology*, vol. 10, no 3, pp. 315–328 (in Russian). DOI: 10.21638/10.21638/11701/spbu12.2017.305
- Suny R.G. (1993) *The Revenge of the Past: Nationalism Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*, Stanford: Stanford University Press.
- Tishkov V.A. (2001) *Ethnology and Politics*, Moscow: Nauka (in Russian).
- Yunusova X.E. (2009) *Socio-economic Processes and Spiritual Life in Uzbekistan in the 80s of the XX Century*. An abstract of the dissertation, Tashkent: Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan-Institute of History (in Russian).
- Zlotnitskaya V. (1991) Adylov Was Released into the Wild. *Kommersant*, December 30, 1991. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2181>, accessed 10.10.2022 (in Russian).